

Евгений РАЗУМОВ

Родился в 1955 году в селе Шахове Костромской области. Выпускник Литературного института им. М. Горького. Работал актёром драматических театров в Орске, Мичуринске, Костроме, литконсультантом, корреспондентом, ответственным секретарём и главным редактором в периодических изданиях.

Автор десяти сборников стихотворений, а также публикаций в альманахах и журналах: «Истоки», «Тверской бульвар, 25», «Литературная учёба», «Волга», «Подъём», «Дети Ра», «Уральский следопыт», «Русский путь», «Губернский дом», «Костромской собеседник» и в других изданиях. Лауреат областных литературных премий – имени И.А. Дедкова (2015), имени Ю.В. Бекишева (2023).

Член Союза писателей России. Живёт в Костроме.

И, МОЖЕТ БЫТЬ, ТОГДА ТЫ ОПРАВДАЕШЬ ПЛОТЬ...

Предчувствие

«Под пером Тынянова воскресну», –
Кюхельбекер Пушкину твердит.
«Интересно, Виля, интересно», –
отвечает нехотя пиит.

Он не знает, кто такой Тынянов.
Но воскреснуть – в этом есть резон.
Вон Гораций пережил траянов
и неронов. Это ли не сон

в райских куцах?.. Это ли не искус
пистолету подставлять живот?..
«А морошку кто-нибудь из близких
непрерменно, Виля, принесёт».

...На часах передвигает стрелки
позапрошлый праотцовый век.
...И приходят вместо нянь сиделки.
...И морошка окропляет снег.

Питер Брейгель. «Перепись в Вифлееме»

Цедят вино из бочки. Режут свинью на ужин.
«Да Вифлеем ли это?» – спросит усталый путник.
Хмуρο кивнёт прохожий. Голос его простужен.
Мальчик на льду играет, в прорубь макая прутик.

Возле гостиниц тесно. Перепись потому что.
Даже хибара ведьмы, что не сожгли когда-то,
служит сегодня кровом. Чаем поит старушка
тех, что бросали камни. Пьют, ничего, ребята.

В общем, денёк обычен, кабы звезда не висла
вон, где из меди флюгер, кабы не эти двое:
женщина и мужчина (что им земные числа
переписи какой-то, если в душе – такое!..)

Ставни скрипят и двери. Нет под луною места,
видимо, для Младенца. Только в пещере разве.
Где-то гудит волынка. Где-то звучит челеста.
Ослик жуёт солону. Бычьи грустны подглазья.

В общем, и ночь обычна, кабы не свет небесный,
кабы не стук Младенца ножкой внутри Марии...
Что остаётся миру – свет Рождества исчезни?..
Каменный шар, откуда в небо глядят слепые.

Винсент Ван Гог. «Едоки картофеля»

Свети им, керосин! Согрей их, чёрный кофе!
Но главное – насыть, картофель молодой!
Распятие к стене прибито. На Голгофе
осела копоть дней, пропахшая едой.

А без неё куда? На кладбища Брабанта,
где чёрная земля просеивает плоть.
Нет, ходики идут. И согревает гланды
кофейная бурда. И соли есть щепоть.

Землистого лица улыбка не коснётся.
И даже Бог во сне, наверно, не придёт.
Но надо как-то жить, коль есть на небе солнце
и отдаёт земля корявый корнеплод.

Посыпь его сольцой и нацепи на вилку.
И ощути спиной тепло от очага.
Мурашки побегут по грязному затылку.
Блаженно поскребёт затылок тот рука.

Ну вот и хорошо (глаза бы не глядели).
Ну вот и ладно (все по лядвеи в земле).
А за окном уже подобие метели.
Подобие луны чуть теплится во мгле.

* * *

Воздуха мало и хлеба немного
в комнате той.

Малые дети просят у Бога
булки простой.

Ангел с авоськой придёт, горемыки.
Спите пока.
Будет там хлебушек в виде ковриги
и кренделька.

Будут и масло, и даже колбаска
(верится мне).
Это, наверное, всё же не сказка –
ангел в окне.

Из гастронома шагает в пальтишке,
крылья сложив.
Дверь приоткроется. Плюшевый мишка
(всё еще жив)

примет авоську и лапкой помашет
ангелу вслед.
Снег ничего никому не расскажет
(ротика нет).

Зелёный карандаш

О. Бурчагиной

Наши внуки доверяют рисунки свои,
где зелёных коров окружает трава,
только нам, говоря, например: «Подойи»
или: «Бабочка это, а там – кружева».

Будет небо на этих картинках всегда
голубое (туда мы, сестра, улетим).
Мы *оттуда* увидим с тобой города:
Кострому, Паникарпово, Вологду, Рим...

Наши дети *оттуда* нам будут видны
без бинокля, а внуки – тем более, Оль.
Если сон это, то в наши лучшие сны
никогда не войдут ни обида, ни боль.

Потому что... Но – тсс... У коровы рога
задевают за облако, ноженьки где
мы повесили с неба с тобою, пока
шли зелёные кони к зелёной воде.

* * *

Внуку Саше

Тебе придумают судьбу, которая – другая.
А та, которая *хранит*, кому-то не нужна.

И запакует чемодан слона и попугая.
(Не пикнет даже хоботок у этого слона.)

И этот плюшевый народ уедет на бибике –
туда, где будет хорошо (кому-то – не тебе).
А я?.. Я, мальчик, напишу вослед четыре книги.
О чём?.. О том, не значу что уже в твоей судьбе.

Я не сопьюсь среди зверей – енота и собаки,
точней – енота и кота. (Собаки тоже нет.
Она сбежала без тебя, точней – ушла в дворняги.
Такая плюшевая вся. И погасила свет.)

Я просто тихо закурю на кухне сигарету.
(Хотя лет десять не курил.) Ещё – утру слезу.
Ведь я отсюда никуда, мой ангел, не уеду.
Ведь я енота и кота тебе не привезу.

Туда, где будет хорошо (кому-то), вероятно.
Молиться буду о тебе, *мой мальчик, где-то там.*
Судьба?.. Моя – уже прошла. Прошла уже – и ладно.
«Храни твою судьбу Господь!..» – шепчу я городам.

* * *

Луна над головой – ещё не нимб, дружок!
С подарками войдёшь – душа остолбенеет:
пять личиков детей тебя возьмут в кружок.
Родимых палестин хвоинками повеет.

Хотя бы раз в году должна напоминать
икону та земля, где выпало родиться.
Пять личиков детей свою обступят мать –
с подарками уже. Минуту будет длиться

приход снеговика, прохожего, калош
прапрадедовых, сна о божьем человеке.
Не возгордись, дружок!.. Ко всем ты не придёшь.
В толпе хотя бы ты не оттолкни калеки.

И, может быть, тогда зачтёт тебе Господь
и жёлтый апельсин, и марципан зелёный...
И, может быть, тогда ты *оправдаешь* плоть,
что в этот мир пришла, другими заселённый.

Муравей

Смирение моё, присядем на дорожку!..
Ты – в лапотках своих, я – в ботах набекрень.
И пусть хранит чулан отцовскую гармошку.
И пусть глядит окно на мамину сирень.

Осталась от судьбы тетрадь за три копейки.
(Давно её купил, но, полагаю, – зря.)
Пусть пугало польёт цветы из этой лейки.
Пусть помнит этот сад меня до сентября.

Я жил. Когда-то. Здесь. И даже верил (помню),
что небо *видит* нас – меня и муравья.
Покинуть этот дом, конечно, нелегко мне,
но... Тянется тропа вдоль местного жнивья.

И даже Лев Толстой пусть полежит у печки
с Астаповом своим. (Он – не попутчик нам.)
Мы тень свою и ту оставим на крылечке.
К несбыточным пора своим вернуться снам.

И – раствориться в них. (Ах, как сирени много!..)
И – *не существовать*. (Смирение, ау!..)
...Впервые муравей так близко видит Бога.
(В ладонь мою прилёт, когда я лёг в траву.)